

Молчанова Ю.Ю. Мотивация гемблера



English version: [Molchanova Yu.Yu. Gambler's motivation](#)

Московский научно-исследовательский институт психиатрии, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обследовано 90 пациентов с диагнозом «патологическая зависимость от азартных игр». Исследовалась иерархия ценностно-смысловых установок гемблеров с помощью развернутой клинической беседы, анализа историй болезни и ряда психологических тестов. Для целей сравнительного анализа обследовались пациенты с алкогольной зависимостью (60 чел.) и здоровые испытуемые (50 чел.). По результатам исследования выявлены, с одной стороны, высокая специфичность ценностно-смысловых установок большинства патологических игроков, особенно в иерархии их операционных ценностей, с другой – наличие «переходных» вариантов ценностной структуры по линиям гемблеры – неаддикты и гемблеры – алкогольно-зависимые. Проанализированы особенности ценностно-смысловых установок гемблеров. Обосновывается предположение о том, что в формировании подобных установок существенную роль играют определенные негативные тенденции в ценностных ориентирах социума в целом, вызванные побочными эффектами неконтролируемого прогресса в «облегчении достижений». Эти тенденции составляют почву для дальнейшего расширения круга аддикций и числа аддиктов. Преодоление этих тенденций требует значительных усилий со стороны общества.

Ключевые слова: гемблинг, азартные игры, патологическая зависимость от азартных игр, аддикция, иерархия ценностей, ценностные ориентации, ценностно-смысловая сфера

Распространенность азартных игр, преимущественно в виде пристрастия к электронным игровым системам, приобрела в России начала XXI века характер искусственно созданной, навязанной аддиктивной эпидемии. Намечалась тенденция настойчивого целеустремленного рекрутирования части населения в те или иные варианты служения игровому бизнесу, что часто сопровождается серьезными деформациями личности. Хотя в настоящее время большая часть игровых заведений закрыта, доступность не контролируемых государством азартных игр возрастает, поэтому актуальность проблемы игровой зависимости не снижается.

История азартных игр, как, впрочем, и борьбы с ними, насчитывает не одну тысячу лет. Гемблинг можно отнести к первой массовой нехимической аддикции, которая служит моделью виртуальных и иных современных зависимостей. Однако на сегодняшний день исследований, посвященных изучению механизмов формирования зависимости и факторов вовлечения индивида в азартные игры, явно недостаточно.

В многочисленных зарубежных и некоторых отечественных работах, посвященных изучению причин развития аддиктивного поведения в целом, отмечается единый механизм формирования данных расстройств [Менделевич, 2003; Milkman et al., 1987; Marks, 1990; Brown, 1993]. Вместе с тем существуют различные представления о возникновении и развитии аддикций, накоплены весьма противоречивы данные об особенностях личности аддиктов. Многие исследователи игровой

зависимости отмечают, что аддикция часто сочетается с другой психической патологией – расстройствами личности, аффективными или обсессивно-компульсивными расстройствами, психопатологическими нарушениями [Холмогорова, Гаранян, 1999; Менделевич, 2003; Мальгин, Цыганков, 2006; Старшенбаум, 2006; Дудко и др., 2006; Бузик, 2007; Lejoyeux et al., 1995; Tavares et al., 2003; Petry et al., 2005], чрезмерными симбиотическими тенденциями [Бобров, Кузнецова-Морева, 2007], а также исходным снижением контроля за поведением [O'Connor, Dickerson, 2003].

Основные составляющие игры (на начальном этапе зависимости) – риск, азарт, получение выигрыша, причем за счет определенного процесса, основанного на случайности, везении, удаче, – труднообъяснимы и должны рассматриваться не только в связи с указанными особенностями, но требуют привлечения таких объяснительных категорий, как иерархия личностных смыслов, ценностные ориентации, и должны адресоваться ценностно-смысловой сфере личности. По мнению Б.С.Братуся и Б.В.Зейгарник, именно общие смысловые образования (в частном случае – ценности), являющиеся основными конституирующими единицами личности, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к миру, другим людям и к самому себе, а значит, и поведенческие приоритеты [Братусь, Зейгарник, 1980].

По представлениям современных философов, культурологов, социологов есть система базовых ценностей общества, находящегося на определенном этапе исторического развития. Естественным образом возникло предположение о том, что важными предрасполагающими факторами для развития патологической игровой зависимости являются аксиологические культуральные особенности.

Одним из важных стимулов развития структуры личности являются ценностные ориентации. Будучи нераздельной частью системы отношений личности, ценностные ориентации поддерживают постоянство направленности личности через сформированное мировоззрение, образ мира, определяют поступки и детерминируют целеполагание человека. Анализ ценностных ориентаций гемблеров представляется важным для выявления механизмов развития «игровой» личности, определения вариантов искажения мировоззрения (целей, мотивации, поведения), способствующих подкреплению «азартного поведения», формированию игровой зависимости, а также для изучения закономерностей течения этого расстройства, разработки системы эффективных психокоррекционных мероприятий.

Выборка и методы исследования

Для изучения специфических отличий гемблинга от других видов зависимостей было обследовано две группы «зависимых» пациентов (аддикты). В одну группу вошли пациенты с патологической зависимостью от азартных игр – 90 испытуемых. Вторую группу составили пациенты с алкогольной зависимостью – 60 человек. (Отметим, что алкогольная зависимость считается наиболее часто встречающейся аддикцией в современной России, отражая в определенной степени существующую систему ценностей.) Такой выбор испытуемых обеспечивал обнаружение специфичности или отсутствия таковой при игровой и алкогольной зависимостях и позволил определить характерные для каждой группы ценностные ориентиры. Третья группа – контрольная, сформированная из здоровых лиц, не страдавших какой-либо зависимостью (неаддикты). Эта группа включает 50 респондентов.

Результаты клинической беседы и анализ историй болезни дополнялись тестированием. Использовался ряд методик для исследования ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сферы, а также некоторых других личностных особенностей: методика Шварца для изучения ценностей личности [Schwartz, Bilsky, 1987]; тест смысложизненных ориентаций для изучения системы личностных смыслов [Леонтьев, 2006]; метод диагностики уровня субъективного контроля для изучения индивидуальных особенностей субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями [Бажин и др., 1993]. В данной работе описываются данные обследования

испытуемых по методике Шварца (с использованием дополнительной шкалы).

Опросник Шварца по изучению ценностей личности представляет собой шкалу, предназначенную для измерения уровня выраженности десяти типов (блоков) ценностей. Методика состоит из двух частей, отличающихся процедурой проведения. Первая часть опросника («Обзор ценностей») предоставляет возможность изучить нормативные идеалы, ценности личности на уровне убеждений, а также структуру ценностей, оказывающих наибольшее влияние на личность в целом, но не всегда проявляющихся в реальном социальном поведении. Вторая часть («Профиль личности») позволяет изучать ценности на уровне поведения, то есть индивидуальные приоритеты, которыми человек наиболее часто руководствуется в своем поведении.

Ш. Шварц описывает десять типов мотивационных ценностей соответственно их центральной цели:

1. Конформность (Conformity);
2. Традиции (Tradition);
3. Доброта (Benevolence);
4. Универсализм (Universalism);
5. Самостоятельность (Self-Direction);
6. Стимуляция (Stimulation);
7. Гедонизм (Hedonism);
8. Достижение (Achievement);
9. Власть (Power);
10. Безопасность (Security).

Помимо описанных 10 блоков ценностей, в разделы методики был включен дополнительный одиннадцатый блок «Риск», пункты которого позволяют оценить, насколько высока мотивация случайных достижений у испытуемых.

Таким образом, при анализе данных исследования рассматривались показатели по 11 ценностным блокам.

Нормальность распределения оценивалась с помощью критерия W-Шапиро–Уилка. Сравнение групп в случае нормального распределения проводилось с использованием параметрического критерия t-Стьюдента. Для статистических расчетов использовался пакет программ Statistica 7.0.

Результаты и их обсуждение

Различия средних

На первом этапе анализа данных оценивалась значимость межгрупповых различий в показателях, полученных по методике Шварца, и показателях по шкале «Риск» (средние нормированные баллы по блокам ценностей). В табл. 1 приводятся среднее, стандартное отклонение и медиана для каждого из показателей по 11 блокам ценностей. Достоверность различий оценивалась по критерию t-Стьюдента.

Таблица 1

Межгрупповые различия показателей по 11 блокам ценностей (оценка по критерию t-Стьюдента)

Показатели / Пары групп сравнения	Среднее значение ± стандартное отклонение (медиана)	p
1. Конформизм		
Группа I	19,27 ± 7,12 (19,5)	,347

Группа II	20,4 ± 7,32 (20)	
Группа I	19,27 ± 7,12 (19,5)	,023
Группа III	22,44 ± 8,96 (22)	
Группа II	20,4 ± 7,32 (20)	,191
Группа III	22,44 ± 8,96 (22)	
2. Традиции		
Группа I	16,2 ± 8,28 (16)	,222
Группа II	17,92 ± 8,58 (18,5)	
Группа I	16,2 ± 8,28 (16)	,041
Группа III	19,4 ± 9,59 (18)	
Группа II	17,92 ± 8,58 (18,5)	,400
Группа III	19,4 ± 9,59 (18)	
3. Доброта		
Группа I	24,24 ± 7,49 (24)	,827
Группа II	24,55 ± 9,65 (24,5)	
Группа I	24,24 ± 7,49 (24)	,002
Группа III	28,46 ± 8,21 (28)	
Группа II	24,55 ± 9,65 (24,5)	,025
Группа III	28,46 ± 8,21 (28)	
4. Универсализм		
Группа I	30,81 ± 14,70 (28,5)	,418
Группа II	28,85 ± 14,19 (25)	
Группа I	30,81 ± 14,70 (28,5)	,194
Группа III	34,52 ± 18,42 (31,5)	
Группа II	28,85 ± 14,19 (25)	,070
Группа III	34,52 ± 18,42 (31,5)	
5. Самостоятельность		
Группа I	28,53 ± 8,39 (30)	,502
Группа II	27,58 ± 8,59 (28)	
Группа I	28,53 ± 8,39 (30)	,173
Группа III	30,54 ± 8,16 (32)	
Группа II	27,58 ± 8,59 (28)	,068
Группа III	30,54 ± 8,16 (32)	
6. Стимуляция		
Группа I	15,74 ± 6,49 (16)	,147
Группа II	14,08 ± 7,32 (15)	
Группа I	15,74 ± 6,49 (16)	,069
Группа III	13,56 ± 7,21 (13)	
Группа II	14,08 ± 7,32 (15)	,707
Группа III	13,56 ± 7,21 (13)	
7. Гедонизм		
Группа I	21,24 ± 6,43 (22)	,003
Группа II	18,11 ± 5,97 (17)	
Группа I	21,24 ± 6,43 (22)	,000
Группа III	16,38 ± 7,70 (16,5)	
Группа II	18,11 ± 5,97 (17)	,185
Группа III	16,38 ± 7,70 (16,5)	
8. Достижения		
Группа I	21,42 ± 8,12 (21,5)	,728
Группа II	20,62 ± 8,01(21)	

Группа I	21,42 ± 8,12 (21,5)	,550
Группа III	21,94 ± 9,03(22)	
Группа II	20,62 ± 8,01(21)	,417
Группа III	21,94 ± 9,03(22)	
9. Власть		
Группа I	18,2 ± 7,52 (18)	,082
Группа II	15,95 ± 7,99 (16)	
Группа I	18,2 ± 7,52 (18)	,035
Группа III	15,3 ± 8,15 (14)	
Группа II	15,95 ± 7,99 (16)	,674
Группа III	15,3 ± 8,15 (14)	
10. Безопасность		
Группа I	25,74 ± 9,44 (25)	,929
Группа II	25,88 ± 9,50 (24,5)	
Группа I	25,74 ± 9,44 (25)	,001
Группа III	31,42 ± 9,84 (31)	
Группа II	25,88 ± 9,50 (24,5)	,003
Группа III	31,42 ± 9,84 (31)	
11. Риск		
Группа I	23,1 ± 8,18 (24)	,000
Группа II	17,57 ± 8,51 (17)	
Группа I	23,1 ± 8,18 (24)	,000
Группа III	16,08 ± 7,17 (16)	
Группа II	17,57 ± 8,51 (17)	,329
Группа III	16,08 ± 7,17 (16)	

Группа I – испытуемые с игровой зависимостью, группа II – с алкогольной зависимостью; группа III – контрольная. р – уровень значимости различий по критерию t-Стьюдента; нули перед запятой опущены. Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Из табл. 1 очевидны весьма показательные различия выборок. Так, группа I статистически значимо отличается от группы III (контрольная группа) по блокам «конформность», «традиции», «добродота», «безопасность», «гедонизм», «власть», «риск». При этом в отношении первых четырех блоков пациенты с патологической зависимостью от азартных игр имели достоверно более низкие показатели в сравнении со здоровыми испытуемыми. Эти блоки включают в себя социально одобряемые обществом установки. Ценности этого типа присутствуют в иерархии ценностей гемблеров – в качестве неизбежного результата воздействия социальных норм. Однако эти ценности в достоверно меньшей степени оцениваются игроками как поведенческие (личностные) ориентиры, в сравнении с контрольной группой.

Вместе с тем I группа (игроки) достоверно превосходит респондентов III группы (испытуемые без зависимостей) по значимости ценностей, входящих в блоки «гедонизм», «власть», «риск», и практически находится на уровне достоверности разницы значений блока «стимуляция». Для здорового контингента (III группа) значимость ценностей этих блоков невысока.

Респонденты II группы (алкогольно-зависимые) статистически значимо отличаются от III группы только по блокам «добродота» и «безопасность», в обоих случаях показывая более низкие баллы. На уровне тенденции наблюдаются различия по блокам «универсализм» и «самостоятельность».

Во II группе (алкогольно-зависимые) отмечается «дефицит» ценностных установок относительно

III группы. Вероятно, это связано с нарастающей органической патологией вследствие сопутствующей хронической интоксикации. Данные испытуемых I группы (игроки) свидетельствуют о глубоком и системном изменении ценностной системы гемблеров, определяющем мотивацию их поведения.

Как следует из табл. 1, достоверные различия между группами I и II (разные виды зависимостей) проявляются только в направлении преобладающей приверженности игроков ценностям «гедонизма» и «риска». Очевидно, что, хотя пациенты II группы (алкогольно-зависимые) также явно следуют принципам достижения удовлетворенности жизнью с помощью иллюзорно-компенсаторных способов удовлетворения потребностей, эта деятельность не сопряжена столь тесно с риском, как это происходит в случаях патологической зависимости от азартных игр. «Уступку» алкогольно-зависимых в «гедонизме» мы склонны трактовать как их склонность воспринимать собственное поведение поведения как следующее обстоятельствам и традициям, а не собственным пристрастиям.

Таким образом, при сравнительном анализе ценностей личности выявлены отчетливые и статистически значимые различия между тремя обследованным подвыборками.

Сравнительный анализ ценностных профилей

Важным моментом исследования являлась возможность раздельного исследования ценностей личности на двух уровнях: на уровне *нормативных идеалов* (ценностей на уровне убеждений, тех ценностей, которые оказывают наибольшее влияние на личность, но не всегда проявляются в реальном социальном поведении) и на уровне *индивидуальных приоритетов*, наиболее часто проявляющихся в социальном поведении личности. Было проведено сравнение средних нормированных баллов, сравнение распределений и сравнение профилей ценностей по данным методики Шварца (плюс шкала «Риск»). Далее приведены результаты сравнительного анализа иерархии ценностей по данным о средних в трех группах испытуемых (см. табл. 2).

Таблица 2

Иерархия типов мотивационных целей (на уровне нормативных идеалов)

Группа I Среднее (95% доверит. интервал)	Группа II Среднее (95% доверит. интервал)	Группа III Среднее (95% доверит. интервал)
Гедонизм 4,6 (4,3–4,9)	Гедонизм 3,83 (3,4–4,2)	Самостоятельность 4,10 (3,7–4,4)
Риск 3,8 (3,5–4,1)	Самостоятельность 3,75 (3,4–4,1)	Безопасность 4,09 (3,7–4,5)
Самостоятельность 3,74 (3,4–4,0)	Безопасность 3,46 (3,1–3,8)	Доброта 4,08 (3,7–4,4)
Безопасность 3,60 (3,3–3,9)	Достижения 3,45 (3,1–3,8)	Конформизм 3,82 (3,4–4,2)
Достижения 3,41 (3,2–3,8)	Конформизм 3,42 (3,0–3,8)	Гедонизм 3,73 (3,2–4,2)
Доброта 3,14 (2,9–3,4)	Доброта 3,36 (3,0–3,7)	Достижения 3,64 (3,2–4,0)
Власть 3,12 (2,7–3,4)	Стимуляция 2,96 (2,5–3,4)	Универсализм 2,92 (2,4–3,4)
Конформизм 3,09 (2,8–3,4)	Риск 2,91 (2,5–3,3)	Власть 2,87 (2,4–3,3)

Стимуляция 3,0 (2,7–3,4)	Власть 2,85 (2,4–3,2)	Традиции 2,79 (2,4–3,2)
Универсализм 2,5 (2,2–2,8)	Традиции 2,58 (2,2–2,9)	Риск 2,78 (2,3–3,2)
Традиции 2,34 (2,1–2,6)	Универсализм 2,45 (2,1–2,8)	Стимуляция 2,61 (2,2–3,0)

Группа I – испытуемые с игровой зависимостью, группа II – с алкогольной зависимостью; группа III – контрольная.

Таблица 3

Иерархия ценностных установок (на уровне индивидуальных приоритетов)

Группа I Среднее (95% доверит. интервал)	Группа II Среднее (95% доверит. интервал)	Группа III Среднее (95% доверит. интервал)
Гедонизм 2,49 (2,3–2,7)	Доброта 2,04 (1,8–2,3)	Самостоятельность 2,51 (2,3–2,7)
Самостоятельность 2,48 (2,3–2,7)	Конформизм 1,73 (1,5–1,9)	Безопасность 2,18 (1,9–2,4)
Стимуляция 2,19 (2,0–2,4)	Власть 1,52 (1,2–1,8)	Доброта 2,06 (1,8–2,3)
Доброта 2,09 (1,91–2,3)	Традиции 1,34 (1,1–1,6)	Достижения 2,01 (1,7–2,3)
Достижения 1,97 (2,0–2,2)	Гедонизм 1,28 (1,1–1,4)	Универсализм 1,96 (1,7–2,2)
Риск 1,95 (1,8–2,1)	Стимуляция 0,99 (0,8–1,1)	Конформизм 1,86 (1,6–2,1)
Безопасность 1,92 (1,7–2,1)	Достижения 0,87 (0,8–0,9)	Гедонизм 1,83 (1,5–2,1)
Власть 1,86 (1,7–2,1)	Риск 0,73 (0,6–0,8)	Стимуляция 1,71 (1,5–2,0)
Универсализм 1,73 (1,5–1,9)	Безопасность 0,69 (0,6–0,8)	Власть 1,43 (1,1–1,7)
Конформность 1,72 (1,6–1,9)	Универсализм 0,41 (0,3–0,5)	Традиции 1,41 (1,2–1,6)
Традиции 1,26 (1,1–1,4)	Самостоятельность 0,41 (0,3–0,5)	Риск 1,23 (1,0–1,5)

Группа I – испытуемые с игровой зависимостью, группа II – с алкогольной зависимостью; группа III – контрольная.

Формально одобряемые социумом ценностные приоритеты («конформность», «традиции», «доброта», «безопасность») у патологических игроков в иерархии значимых ценностей следуют за «эгоистическими», при этом лишь в категории «знаемых» нормативных категорий, особенно в сравнении с представителями неаддиктов. Пациенты с «патологической зависимостью от азартных игр», в отличие от алкогольно-зависимой группы, демонстрируют не только «дефицит», но и достоверное «выпячивание» определенных ценностных приоритетов («гедонизм», «стимуляция», «риск», «власть») относительно неаддиктов, что свидетельствует о более сложном структурном

изменении ценностной системы гемблеров, определяющей мотивацию их поведения.

На фоне декларируемых (хотя и второстепенных) традиционно одобряемых обществом ценностей структура поведенческих ориентиров патологических игроков характеризуется преобладанием гедонистически-эгоистических стремлений к получению удовольствия с помощью гиперстимуляции для ощущения разнообразия жизни и ярких особых переживаний «наполненности» жизни, а также для поддержания оптимального уровня активности за счет рискованных поступков и действий, характеризующихся социальным риском. При этом стимуляцией для гемблеров могут выступать разные аспекты жизненных ситуаций, сопряженных с игровым процессом (это может быть и сама игра; мероприятия, направленные на скрытие своих проигрышей, утаивание перед окружением систематических посещений игровых залов, поиск денежных средств для покрытия долгов и многие другие поведенческие акты). Ценностные установки у пациентов с алкогольной зависимостью более связаны с возможностью получать удовлетворение от жизни вообще – без постановки целей и достижения целей быть в «безопасности» за счет глубоко укрепившихся социально принятых псевдонорм («всем можно, и я тоже буду выпивать», «на праздниках или на выходных выпить – не грех» и многое другое).

При рассмотрении ценностных мотивационных блоков на уровне нормативных идеалов (убеждения человека) и на уровне индивидуальных приоритетов (проявления на уровне конкретных поступков человека) здоровые испытуемые продемонстрировали в целом устойчивость и сходство ценностных предпочтений на обоих уровнях, что не было отмечено у других, аддиктивных, групп. Наибольшие расхождения между смыслообразующими и декларируемыми ценностями были установлены у пациентов с алкогольной зависимостью, тогда как патологические игроки предстали «промежуточной» по цельности группой. Это говорит о наличии у них более «стройной» идеологии своего пристрастия, что сближает гемблеров со здоровым контингентом. Однако именно такая специфическая дисгармоничная структура ценностей обеспечивает мощное подкрепление возникшему случайно (или под влиянием дополнительных факторов) игровому поведению. По ходу развития зависимости игровое поведение обрастает типичными и индивидуальными стимулами, зависящими от особенностей «прихода в игру», но быстро приобретающими характер самостоятельных триггеров для запуска гемблинга.

В отношении блока «традиции» (поддержания общественных традиций и норм) все испытуемые продемонстрировали пренебрежение, единодушно поместив ценности этого блока на последнее место и подчеркнув тем самым нежелание следовать принятым обычаям и идеям, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность). И если у игроков такое отношение вполне укладывается в общую картину иерархии, то у неаддиктов выглядит, на первый взгляд, крайне странным, противоречащим всему вышесказанному. Подобная тенденция, на наш взгляд, отражает готовность и этой группы к пересмотру своих «социальных» приверженностей под воздействием революционных перемен в российском обществе последних двух десятилетий, давших, помимо личной свободы, свободу нигилизму и широкомасштабной рекламе суррогатных вариантов удовлетворения потребностных состояний.

Полученные данные подчеркивают достоверную разницу между ценностными иерархиями пациентов, зависимых от азартных игр, и контрольной выборкой. При сравнении средних сходство этих групп не проявлялось, за исключением только что рассмотренного нюанса. Однако кластерный анализ всех трех обследованных групп показал наличие среди здорового контингента существенного количества испытуемых со схожей с игроками картиной ценностно-смысловых предпочтений, за исключением приверженности «риску». При этом среди игроков выделилась подгруппа с фактически равными показателями «эгоистических» и «стандартных» ценностей. Таким образом, эти две статистически достоверно отличающиеся по ценностным показателям (сравнение средних) группы имеют существенную «зону пересечения».

Результаты кластерного анализа

Для того чтобы оценить однородность подвыборок, то есть оценить сходство ценностных профилей испытуемых, принадлежащих к определенной группе, был проведен кластерный анализ.

Кластеризация проводилась методом К-среднее. По результатам кластерного анализа в каждой обследованной группе (I–III) выделились подгруппы (подтипы) испытуемых. В табл. 4 указано число испытуемых, попавших в каждую выделенную подгруппу (кластер).

Таблица 4

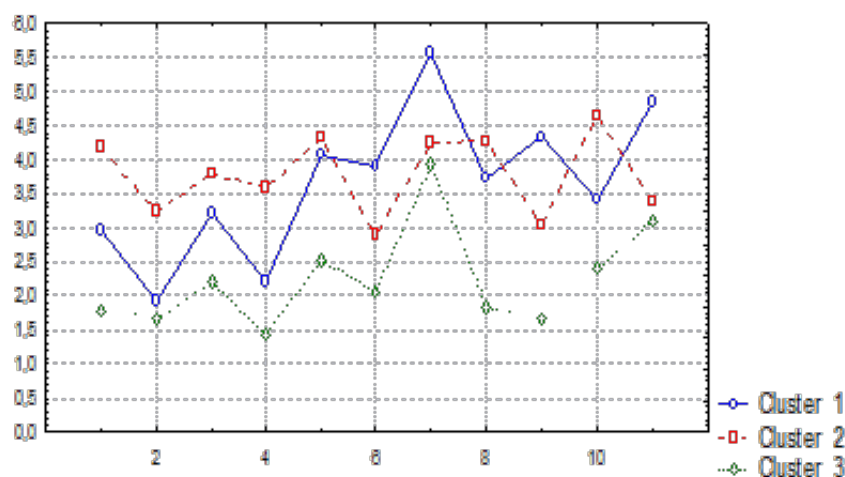
Распределение испытуемых трех групп (I – гемблеры, II – алкогольные аддикты, III – без зависимостей) на подгруппы по результатам кластерного анализа

Группа	Количество испытуемых						
	Всего	Подгруппы 1–3 (нормативные идеалы)			Подгруппы 1–3 (индивидуальные приоритеты)		
		1	2	3	1	2	3
I	90	32	33	25	32	20	38
II	60	26	24	10	22	25	13
III	50	14	17	19	22	16	12

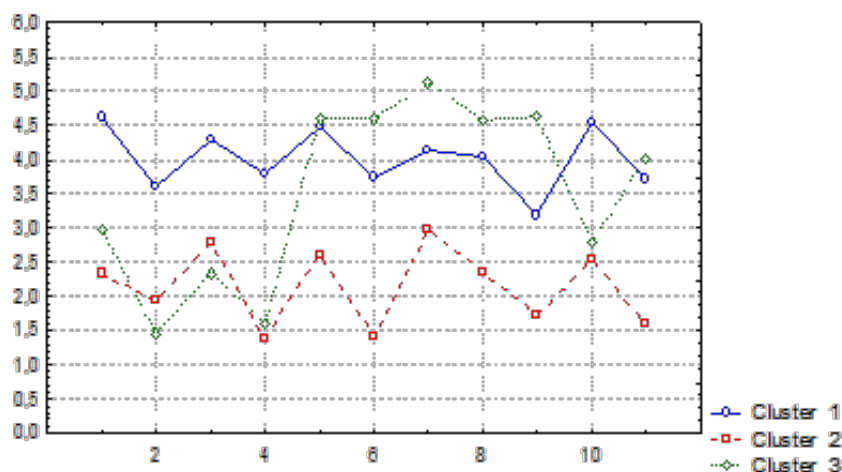
Разберем подробнее данные о сходствах и различиях подгрупп, выделенных при кластерном анализе.

Нормативные идеалы

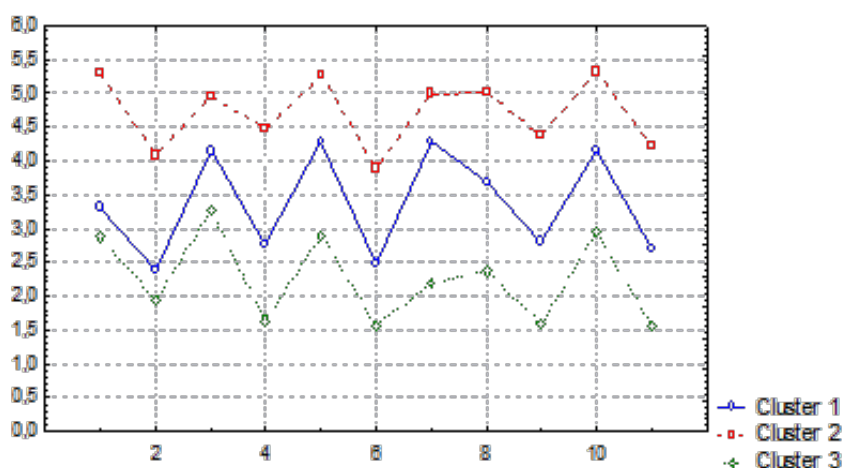
На рис. 1 представлены данные о средних значениях показателей методики Шварца (плюс шкала «Риск») в подгруппах, выделенных при кластерном анализе данных о *нормативных идеалах* испытуемых.



Группа I – испытуемые с зависимостью от азартных игр.



Группа II – испытуемые с алкогольной зависимостью.



Группа III – контрольная.

Рис. 1. Средние значения показателей по 11 ценностным блокам в подгруппах, выделенных по результатам кластерного анализа данных о нормативных идеалах. По оси X – номера блоков ценностей (см. табл. 1).

На графиках, характеризующих нормативные идеалы I группы (гемблеры), сразу же бросается в глаза сходный вид кривых, хотя и с различными акцентами в разных подгруппах. Та же картина еще отчетливее проявляется в группе III (здоровые испытуемые). И лишь во II группе (алкогольная зависимость) график 3-й подгруппы (10 человек из 60) резко отличается от двух других, зато почти совпадает с одной из типичных для игроков кривой по данным 1-й подгруппы (32 человека из 90). В свою очередь, графики 2-й подгруппы гемблеров (33 из 90) и 2-й подгруппы здоровых лиц (17 из 50) тоже практически идентичны (причем эти подгруппы содержат одинаковую долю испытуемых своей группы). Близка к ним по форме кривая 1-й подгруппы алкогольных аддиктов (26 из 60), а их 2-я подгруппа (24 из 60) отличается от 1-й подгруппы здоровых испытуемых (14 из 50) лишь более низким общим уровнем показателей и меньшей амплитудой их колебаний. Вновь отметим большее сходство между графиками зависимых от алкоголя и здоровых (в двух подгруппах из трех) по сравнению с гемблерами (лишь одна кривая близка по форме к кривым в двух других обследованных группах).

Так, среди 90 патологических игроков (группа I) выделилась 2-я подгруппа из 33 человек, отличающаяся от остального пула отсутствием пика на «гедонизме», отрицательными пиками на «риске», «стимуляции», «власти», высокой значимостью «безопасности», «конформизма» и неплохим отношением к другим «социальным» блокам, располагающимся в середине графика. Ровная картина их приоритетов представлена «самостоятельностью», «гедонизмом»,

«достижениями», «конформизмом» и «безопасностью», то есть достаточно противоречивым набором, частично совпадающим с приоритетными ценностями контрольной выборки. Без подгруппы 2 «эгоистичная» картина в двух других подгруппах (остальные 63% выборки), профили которых отличаются в основном только общим уровнем значений, выглядела бы значительно более выпукло.

Наличие «промежуточной» в ценностном плане подгруппы гемблеров можно объяснить следующим образом. Представители данного кластера, как в плане нормативных идеалов, так и личностных приоритетов, еще сохранили внушенные с детства официальные правила, служащие внешним прикрытием новых ценностных образований. Обращает внимание, что равенство «эгоистичных» и «социальных» ценностных блоков здесь достигается не занижением уровня первых, а высоким уровнем вторых.

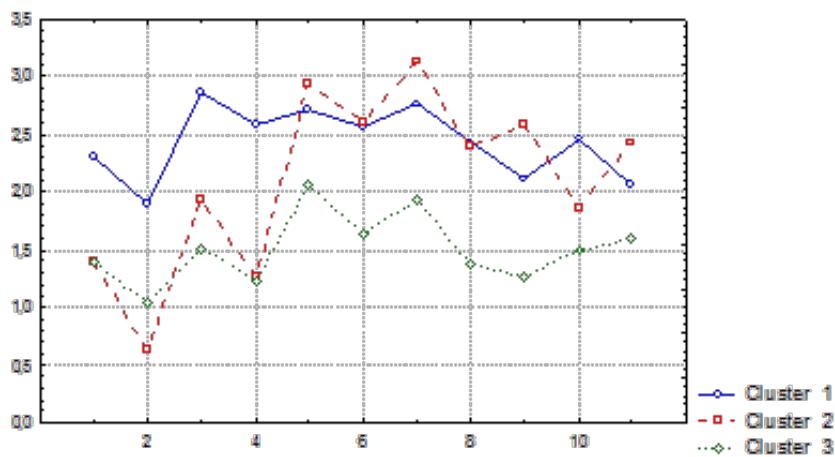
Третья подгруппа группы II (алкогольная зависимость) составляет меньшинство, хотя и яркое. Показатели «эгоистических» блоков превосходят по величине почти все максимальные результаты патологических игроков, а пиковые для двух других подгрупп «безопасность», «конформизм» и «добродота» выражены значительно меньше (в 2 раза и более). Такое «равномерное» сочетание «гедонизма», «власти», «риска», «самостоятельности», «стимуляции» и «достижений» рисует облик, далекий от типичного представления об алкогольных аддиктах, но надо учесть, что анализируемые данные отражают лишь идеальное представление о себе (см. табл. 4).

Несомненный интерес представляет тот факт, что в первой и второй подгруппах, выделенных во II (алкогольные аддикты) и III (здоровые) группах, практически идентичны графики ценностных приоритетов, различается только величина показателей, меньшая в группе II. Это подтверждает высказанное выше предположение о более низкой в целом мотивированности алкогольно-зависимых испытуемых даже на уровне убеждений. Разница между двумя подвидами графиков заключается в следующем. В обеих группах при первом варианте (две первые подгруппы) наивысшие позиции принадлежат сочетанию «конформизм», «добродота», «самостоятельность», «безопасность», при втором (две вторые подгруппы) – «конформизм» уступает свое место блоку «гедонизм». Изменения в нижней части графиков не столь отчетливы.

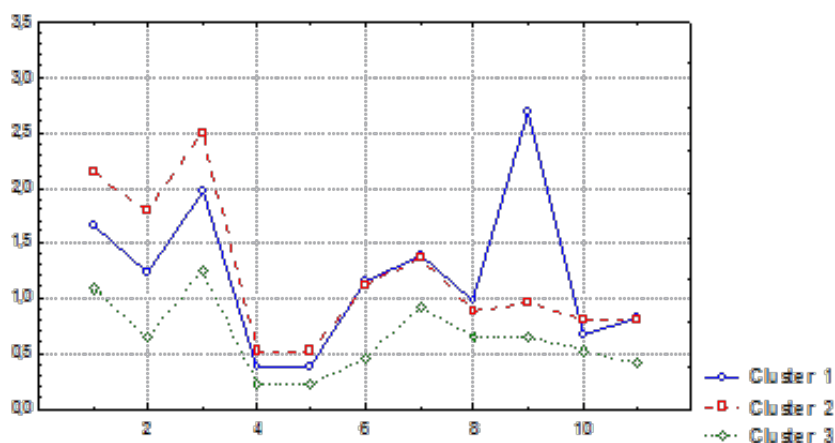
Отметим, что в первой паре сравниваемых подтипов у алкогольно-зависимых «власть» – явный аутсайдер, у «нормы» – на ниже-среднем уровне, а «риск» – наоборот, несколько выше в группе зависимых от алкоголя. Можно легко поставить эти варианты в соответствие разным типам алкогольных пациентов – в первом случае стиль жизни пьющего человека определяется позицией «быть, как все», во втором – «получать удовольствие», но сохраняя в обоих случаях иллюзию доброты, свободы и безопасности выбора. Определение того, что представляют собой разные варианты ценностных иерархий у здоровых респондентов, не входило в основные задачи работы. Но следует отметить, что согласно полученным результатам основные отличия между II и III группами достигаются за счет меньшего по объему, но резко выделяющегося подтипа в группе II.

Индивидуальные приоритеты

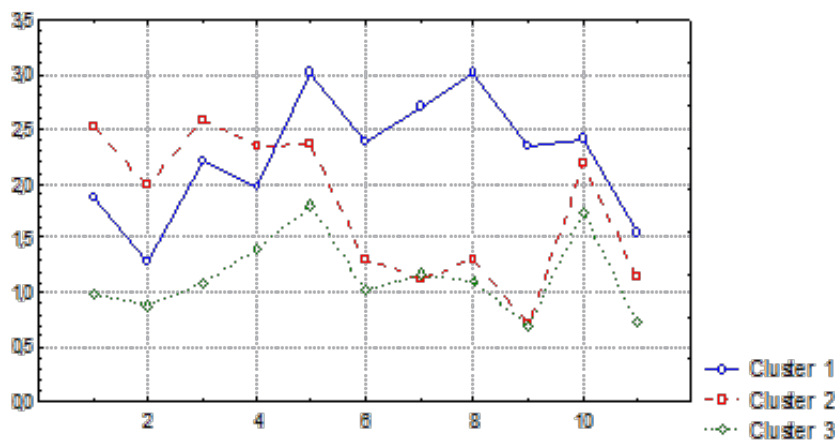
Иная картина вырисовывается при сравнении кластеров испытуемых с разным «профилем личности», выстроенных по данным об *индивидуальных приоритетах*, отражающих мнение исследуемых о структуре ценностей, которыми они руководствуются («приходится руководствоваться», по их оценке) в реальной жизни (см. рис. 2).



Группа I – испытуемые с зависимостью от азартных игр.



Группа II – испытуемые с алкогольной зависимостью.



Группа III – контрольная.

Рис. 2. Средние значения показателей по 11 ценностным блокам в подгруппах, выделенных по результатам кластерного анализа данных об индивидуальных приоритетах. По оси X – номера блоков ценностей (см. табл. 1).

Прежде всего следует отметить настолько яркую выраженность межгрупповых различий, что схожих кластеров не выявляется. При этом даже зрительно очевидна максимальная несхожесть между графиками патологических игроков (I группа) и пациентов, зависимых от алкоголя (II группа). Последние во всех трех выделившихся подгруппах, в противоречии с собственным «обзором ценностей» (нормативные идеалы, рис. 1), получают низкие оценки по блокам

«универсализм», «самостоятельность», «стимуляция», «риск», «безопасность». Только в этой группе выделяется подтип (22 чел.) с мощным пиком на «власти» и подтип с абсолютной доминантой «доброты», «конформизма» и «традиций» (25 чел.) При этом «добродота» и «конформизм» занимают высокий уровень во всех трех подгруппах алкогольно-зависимых, а «традиции» не занимают низших позиций, как это происходит в I и III группах. Графики гемблеров не совпадают полностью, но в целом сохраняют подобие с их же графиками, представленными на рис. 1 («обзор ценностей»). Среди гемблеров выделяется вторая подгруппа (20 чел.), идентичная 1-й подгруппе по данным «обзора ценностей» – с выраженным плато на блоках «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм», «достижения», «власть», «риск». Именно этот вариант ценностной структуры наиболее соответствует обобщенной картине ценностных ориентаций гемблеров, описанной выше.

Практически идентичен по структуре, но на более низком и «сглаженном» уровне, график самого крупного кластера игроков – третьей подгруппы (38 чел.). В то же время во второй подгруппе гемблеров (32 чел.) график весьма сглаженный, с незначительным приоритетом «доброты», «самостоятельности» и «гедонизма», что сближает его с одним из вариантов контрольной группы по данным «обзора ценностей».

Выборка здоровых испытуемых (III группа) довольно неожиданно разбилась на три отчетливых подтипа. И, как ни странно, первый из них (подгруппа 1; 44% испытуемых этой группы), в реальной деятельности руководствуется, в первую очередь, ценностями блоков «самостоятельность», «гедонизм», «достижения», игнорирует пару – «традиции», «риск», и практически не имеет ценностей «средней значимости». Но относительно высоко ценит «стимуляцию», «власть», «безопасность», относительно низко – «конформизм», «доброту», «универсализм». Таким образом, лишь низкий уровень «риска» отличает «практическую» ценностную ориентировку этой подгруппы «нормы» от доминирующих тенденций группы игроков. По сути, этот пул испытуемых III группы можно смело включать в группу риска.

Практически противоположную картину демонстрирует вторая по нумерации и по численности (32%) подгруппа «нормы». Здесь доминируют «конформизм», «добродота», «универсализм», «самостоятельность», «безопасность», игнорируется «власть», а очень низко ценится комплекс «стимуляция», «гедонизм», «достижения», «риск». Третий подтип III группы (24% испытуемых этой группы): в правой части графики практически совпадают с вариантом в подгруппе 2, при более низких значениях «конформизма», «доброты» и «универсализма». При этом «универсализм» входит в лидирующую триаду «универсализм – самостоятельность – безопасность», ниже всего показатели блоков «власть» и «риск», а все остальные блоки, включая традиционные и «эгоистические», – практически на одном «низко-среднем» уровне.

В целом все три кластера III группы объединяет относительно высокий уровень «самостоятельности» и низкий – «риска». У II группы респондентов – высокий уровень «доброты» и низкий – «универсализма» и «самостоятельности». В I группе отмечается относительно высокий уровень «гедонизма» и «самостоятельности» и низкий – «традиций». Специфичный, казалось бы, для гемблеров «риск» у большинства находится на среднем уровне.

Таким образом, в I группе (игровая зависимость) заявляемая ценностная структура наиболее соответствует иерархии ценностей, «руководящей действиями». Группа II (алкогольно-зависимых) демонстрирует, напротив, максимальные внутренние противоречия между декларируемыми и практическими ценностными установками. Третья группа (без зависимостей), весьма цельная в «идеологии», оказывается наиболее разнообразной по «практической» ценностной ориентации, проявляя здесь в существенной своей части (44% испытуемых этой группы) схожесть с доминирующими практическими ориентирами игроков. Характерно, что «практические» ценностные ориентации групп I и II не имеют таких совпадений.

Заключение

Полученные данные подтверждают исходное предположение о наличии у большинства лиц, страдающих игровой зависимостью, специфической ценностно-смысловой иерархии, характеризующейся преобладанием «эгоистических» ценностей. Данная структура отличает игроков как от не подверженного аддикциям контингента, так и от алкогольно-зависимых пациентов, несмотря на сходство с последними по многим клиническим и биологическим аспектам. Различия касаются как идеальных ценностных представлений, так и ценностей, которыми респонденты руководствуются (по их мнению, «вынуждены руководствоваться») в практической жизни. Причем во втором случае разница оказывается наиболее выраженной.

Особо отметим, что гемблеры и здоровые лица имеют более цельные и внутренне логичные иерархии, чем группа алкогольно-зависимых, особенно в отношении идеальных ценностных представлений. Иерархии же «руководящих» ценностей наиболее разнообразны у неаддиктов, где, наряду с численно доминирующими социально ориентированными подтипами, выявляется весомая подгруппа респондентов с практически «игровой» иерархией ценностей, за исключением ориентировки на «риск» (хотя и у игроков этот блок не лидирует среди декларируемых ценностей).

Таким образом, отличие ценностной иерархии лиц с патологической зависимостью от азартных игр от ценностной иерархии здорового контингента заключается в наличии «утрирования» определенного направления ценностных тенденций, которое, по нашему мнению, отражает нарастающие в обществе возможности и популярность суррогатного удовлетворения потребностей. Обеспечивая высокое подкрепление игровому поведению, как одной из эффективнейших форм такой «суррогатной деятельности», эти ценностные девиации в значительной степени определяют развитие гемблинга.

Мы подчеркиваем важность значения и, скорее, даже давления на людей современных технологий, а также бытующих культов успеха, силы, радио. Стремление следовать этим установкам приводит к выбору игры как способу выразить эмоции или достигнуть успешного результата быстрым и незатратным путем. При этом не отрицается роль личностных изменений любой этиологии, преломляющих и усиливающих подобные тенденции. Естественно, что в условиях скудного изначального набора интересов и мотиваций (у органиков или некоторых акцентуантов) эффективность такого «навязывания» окажется выше.

Полученные данные позволяют экстраполировать представленную концепцию на новые техногенные нехимические зависимости, прежде всего их компьютерные варианты. Можно говорить о целесообразности психологической экспертизы новых технологий с точки зрения их выигрышности относительно реальной жизни, что является основным «аддиктообразующим» звеном, и о необходимости соответствующей работы с новыми поколениями. Важно обратить внимание на кажущуюся безобидность современных технологий, которые в сущности имитируют деятельность, фиктивно удовлетворяют потребностные состояния, при этом их разрушающие личность последствия возрастают в геометрической прогрессии. Нехимические виды зависимости можно отнести к ярким примерам подкрепления таковой деятельности и, соответственно, не сглаженного и искаженного типа ценностной иерархии, где приоритеты есть, но они ведут в никуда, в апродуктивность по отношению к внешнему миру.

Выводы

По данным исследования, патологическая зависимость от азартных игр изменяет структуру личностно-смысловой и эмоционально-волевой сфер личности. Это приводит к углублению девиаций, навязываемых обществу современными технологиями удовлетворения потребностей. Наиболее специфическим свойством психики гемблера является противоречивость его ценностно-

смысловой системы, в которой присутствуют две разнонаправленные тенденции: гедонистически-эгоистическое стремление к получению удовольствия через гиперстимуляцию и сформированное (декларируемое) следование стандартным общественно одобряемым правилам поведения.

Ценностная иерархия у патологических игроков достоверно отличается от таковой у больных алкоголизмом и от иерархии ценностей здоровых лиц. Это доказывает ее специфичность и не подтверждает распространенного мнения о существовании «аддиктивной личности», характеризующейся якобы неким общим набором черт в форме «обеднения» идеалов, мотивов и эмоций. Отличия патологических игроков наиболее ярко проявляются в особенностях инструментальных ценностей (ценностей действия), на основе которых определяются задачи поведения. Это объясняет подкрепляющий эффект игрового поведения и его предпочтительность для личности с формирующейся игровой зависимостью. Однако иерархии ценностных установок в подгруппах, составляющих 44% выборки здоровых лиц, сходны с таковыми у гемблеров. Общественные тенденции – культ «общества потребления», «стремление к успеху почти любыми путями» – создают у психически здоровых лиц предрасположенность к суррогатному удовлетворению потребностей.

Целесообразна разработка методологических и методических основ психологической реабилитации лиц, страдающих игровой зависимостью, через поэтапное переопредмечивание актуальных потребностных состояний. При этом вопрос о распространенности в российском обществе различных проявлений аддиктивности должен привлечь внимание не только государственных учреждений, но и общественных организаций. Это позволит осуществить комплекс превентивных мер, которые могут включать, кроме принятия соответствующих законов, и психологическую цензуру рекламной, игровой теле- и кинопродукции.

Литература

- Бажин Е., Голынкина Е., Эткин А. Опросник уровня субъективного контроля УСК. М.: Смысл, 1993. 16 с.
- Бобров А.Е., Кузнецова-Морева Е.А. Игровая зависимость: старая или новая проблема психиатрии? // Игровая зависимость: мифы и реальность: материалы международной конференции / под ред. акад. РАМН Т.Б.Дмитриевой. М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2007. С. 3–8.
- Братусь Б.С. Зейгарник Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 160.
- Бузик О.Ж. Патологическое влечение к азартным играм // Вопросы наркологии. 2007. Вып. 4. С. 59–65.
- Дудко Т.Н. и др. Клинические особенности игромании // Наркология. 2006. N 10. С. 43–48.
- Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с.
- Малыгин В.Л., Цыганков Б.Д. Клиника и динамика психических расстройств у лиц с патологической зависимостью от игры // Наркология. 2006. N 9. С. 59–63.
- Менделевич В.Д. Наркозависимость и комобидные расстройства поведения. М.: Медпресс-информ, 2003. 328 с.
- Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006. 467 с.

Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Московский психотерапевтический журнал. 1999. N 2. С. 61–90.

Brown R. The effectiveness of Gamblers Anonymous. Gambling Studies // Proceedings of the Sixth National Conference on Gambling and Risk Taking. Vol. 5: The Phenomenon of Pathological Gambling / ed. by W.R.Eadington. Reno: University of Nevada, Bureau of Business and Economic Administration, 1993. P. 258–284.

Lejoyeux M., Tassain V., Adès J. Compulsive buying, depression and antidepressants // European Neuropsychopharmacology. 1995. Vol. 5, N 3. P. 369–370.

Marks I. Behavioural (non-chemical) addictions // British J. Addict. 1990. Vol. 85. P. 1389–1394.

Milkman H., Sunderwirth S. Craving for Ecstasy. Lexington, Massachusetts: Lexington Books, 1987. P. 145–159.

O'Connor J., Dickerson M. Impaired control over gambling in gaming machine and off-course gamblers // Addiction. 2003. Jan. Vol. 98, N 1. P. 53–60.

Petry N.M., Stinson F.S., Grant B.F. Comorbidity of DSM-IV Pathological Gambling and Other Psychiatric Disorders: Results From the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions // Journal of Clinical Psychiatry. 2005. Vol. 66, N 5. P. 564–574.

Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 58, N 5. P. 550–562.

Tavares H. Martins S.S., Lobo D.S., Silveira C.M., Gentil V., Hodgins D.C. Factors at play in faster progression for female pathological gamblers: an exploratory analysis // J Clin. Psychiatry. 2003. Apr. Vol. 64, N 4. P. 433–438.

Поступила в редакцию 4 мая 2010 г. Дата публикации: 30 июня 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Молчанова Юлия Юрьевна. Младший научный сотрудник отделения психических расстройств, осложненных патологическими формами зависимостей, Московский научно-исследовательский институт психиатрии Росздрава, ул. Потешная, д. 3, 107076, Москва, Россия.
E-mail: julmolchanova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Молчанова Ю.Ю. Мотивация гемблера [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 3(11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0023.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)